

Пётр уже не раз задумывался о том, чтобы распахать клин земли, что оставался до сих пор нетронутым на самом краю его поместья. Сегодня был подходящий день – сухо, солнечно и зеленая трава отливала светом драгоценного изумруда на чёрном бархате плодородной почвы.

Он прошёл за плугом, чуть успевая за сильным добрым конем, только первую борозду, как сразу же земля преподнесла ему удивительный подарок. Небольшие кружочки монеток, что поднял плуг из земли, оказались у ног Петра. Они были черны и невзрачны, совсем не походили на драгоценности из случайно найденного клада.

«Эх, вот бы они были золотыми», – подумал Пётр.

Он собрал монетки в горсть, положил в карман, чтобы, придя домой, как следует их рассмотреть, очистив от приставшей к ним земли и грязи.

Дома пахаря ждала молодая красивая жена Вида – белолица, румяна, – которую он очень любил и потому баловал всякими подарками. Именно ей по возвращению с поля Пётр показал находку, когда жена, как всегда обрадовавшаяся его приходу, бросилась навстречу. Не рассмотрев как следует найденное мужем, Вида собрала монетки в старую, ненужную в хозяйстве треснувшую стеклянную банку и убрала под кухонный шкаф. Когда же на рассвете Пётр встал, чтобы вновь пойти пахать землю, банка оказалась поднятой на кухонный шкаф и светилась изнутри в полутьме начинающегося утра призрачным светом. Жена улыбнулась на недоумение мужа. Это она ночью начистила до блеска каждую найденную монетку.

Узнав о находке, соседи посоветовали Петру отнести монетки в город.

– Может быть, там за них настоящие деньги дадут, – говорили они.

Но Вида не согласилась. Она попросила мужа смастерить для себя ожерелье. Пётр послушался, сделал в монетках отверстия, нанизал на красную нитку. Монеток было мало, всего двенадцать, и ожерелье получилось коротким, чтобы носить на шее. Оно подходило для запястья руки, но вместо этого красавица жена надела его на лодыжку левой ноги. И теперь, куда бы она ни шла, нежный серебряный звон оповещал людей о её приближении.

Вида вскоре после этого забеременела. И муж её, Пётр, ещё больше старался порадовать любимую каким-нибудь подарком. Приносил невиданной красоты горный цветок или пойманную в лесу белочку, маленькую птичку необычной пламенной расцветки или платок шёлковый, серёжки золотые или зеркальце, купленные в городе.

Всеми, что дарил муж, Вида радовалась, но гордости, с которой она носила мелкое благозвучное ожерелье, ничто не могло превзойти.

* * *

Деревня, в которой жили Пётр и Вида, раскинулась в долине. Со всех сторон её окружал густой лес, поднимавшийся по склонам гор к самым вершинам. Только от местного кладбища и вплоть до поворота, где река пересекала деревню надвое, белели камни, меж которых с трудом пробились мелкие кусты.

Именно за этими кустами и мелкими деревцами скрывался вход в пещеру. Давно в эту пещеру никто не входил. Частью из-за множества змей, выползавших на камни в солнечные дни погреться, а частью из-за густой, пугающей чёрной тьмы, встречающей всякого любопытного, который осмеливается подойти к входу.

Из преданий всем жителям деревни было известно, что глубоко внутри пещера разветвляется в трех направлениях, на три дороги. Две ведут к противоположной стороне горы. А третья – вниз, в глубину, и там заканчивается у глухой стены.

Существует легенда, в которой говорится, будто по этой третьей дороге во времена царя Душана одна рабыня, которую привели из какой-то далёкой завоёванной страны, убежала от своего хозяина и скрылась в пещере. Хозяин рабыни был приближенным царя. А его жена, которая рано умерла, приходилась родней Душану.

Хозяина звали Прелюб. Рабыня же отличалась необыкновенной красотой. Прелюб так к ней привязался, что засыпал свою рабыню дорогими подарками, которые она хоть и принимала, но его самого – отвергала.

Тогда кесарь, совершенно потеряв голову от любви, в тувельке, снятой с ноги своей «госпожи», предложил ей золотой ключик – символ своей полной преданности. Когда девушка, лишь взглянув на столь драгоценный дар, с презрением отвернула голову, Прелюб разгневался и приказал силой привести рабыню в свои покои. Но та сумела обмануть стражу и убежать, спрятавшись в ближайшей пещере. Преследователи нашли её уже умирающей от укуса ядовитой змеи.

Не посмев вынести её прекрасное тело на свет, на глаза влюбленного Прелюба, чтобы и самим смерть от его гнева не принять, преследователи вновь пришли в пещеру только ночью. Вырубили они в стене нишу, куда и опустили несчастную. Затем нишу засыпали землёй, чтобы никто из случайных посетителей пещеры не мог обнаружить умершую. Вместе с рабыней спрятали и её бесценные украшения, которые были на ней в день побега.

Даже мёртвой она была настолько красивой, что один из стражников не выдержал – поцеловал прекрасную рабыню в её остывшие целомудренные губы. На память о прекрасной девушке он тайно снял с её ноги одно украшение и спрятал у себя в поясе. Однако, когда вернулся домой, украшения в поясе уже не было.

Притча утверждает, что с того времени лишился молодой слуга покоя. Девушка посещала его во снах до тех пор, пока однажды ясной лунной ночью его не увидели входящим в пещеру. Утром нашли слугу в пещере около начала третьей дороги. Он привалился спиной к стене – окоченевший, с открытыми глазами, наполненными то ли страхом, то ли любовью.

Гордая рабыня не простила его за то, что нарушил её чистоту, которую она так берегла при жизни, оградила побегом от хозяина, расплатилась за неё жизнью.

Пещера с тех времен в народе стала называться коварной. Трагическая история о погибших в ней прекрасной рабыне и молодым слуге передавалась из поколения в поколение. Из уст в уста передавали жители деревни это предание своим детям, а те своим. Так шло время. Иногда в пещеру уходили смельчаки, искатели сокровищ, но все их попытки пройти через третью, глухую дорогу, через этот таинственный тоннель, упирающийся в глухую стену, заканчивались несчастьем. Инструменты ломались, копатели заболели, змеи не оставляли в покое. Трудились они много, но если даже какой-то небольшой кусок отваливался от стены, то на завтра искатели сокровищ с ужасом замечали, что всё снова было на месте, в целости. В последней попытке, про которую известно искатели использовали взрывчатку. Пострадали все трое. Один погиб на месте, а двое выбрались наружу искалеченными.

Поэтому страх от проклятия этого места заставлял жителей деревни пользоваться обходной дорогой, вокруг горы, в которой была пещера. Место под названием Печ отворачало проезжающих суровым видом.

Вспаханное поле Петра находилось недалеко от кладбища, под самым Печом. И насколько Печ был бесплодным, настолько этот кусок плодородной земли призывно зеленел. Это-то и заставило Петра вспахать его. К тому же и жене снилось, что плохо, когда такая земля пропадает. Такое нерадение могло привести к голоду, бедности.

Вида необыкновенно долго была беременной. Она много спала. И когда спала, какие-то странные розовые облака собирались над домом. Облака наносил ветер, и сны Виды от этого растягивались.

Когда закончился срок беременности, женщины деревни со смехом упрекали Виду в неумении правильно рассчитать день рождения ребенка. Но Вида-то знала, ещё когда только забеременела, что, обозначенный количеством найденных Петром монеток, из которых потом было сделано ожерелье, она будет носить свой плод во чреве двенадцать месяцев.

Никому о своих снах, особенно о том, что приснился ей в месяце вспашки дальнего участка, жена Петра не говорила.

Лето быстро проходило. Наступала осень. Но вместо того, чтобы природа успокаивалась, засыпала – всё, напротив, росло, как после майских дождей. Самое странное то, что змеи расплозились по Печу как никогда. Опасно было пройти по деревне даже самое короткое расстояние.

Петрова нива, вспаханная в прошлом году, не обманула ожидания. Кукуруза поднялась столь высоко, что переросла иные деревья в окрестности. Из каждого початка в обилии выходило зерно. И только когда Пётр собрал кукурузу и вырезал посохшие мощные стебли, всё в округе разом ощутило, что пришла осень. И змеи ушли из деревни за ночь.

А Вида на третий день после сбора урожая родила.

* * *

Девушка была обнажённой, одни серебряные и золотые украшения сверкали на её молодом стройном теле. На правой ноге – туфелька, левая – босая. Девушка улыбалась, гордо вскинув голову. От её улыбки на щеках образовались привлекательные ямочки.

Напротив девушки сидел мужчина. Одет богато, даже роскошно – в шелка и золото, которые искрещивались струями спускались вниз к ногам. Поверх одежды, вместо пурпурного плаща, накинута на плечи шубка из вывернутой наизнанку шкуры волка. Руки протянуты к девушке вверх ладонями.

Между ними стоит вторая женская туфелька. Она пуста.

Один раз в месяц Виде снился этот странный сон. Всего двенадцать раз за год. В безмолвном этом сне никто не двигался и не разговаривал. Только грусть и тоска, исходившие от сидящих напротив друг друга, достигали сердца жены Петра. Видно, эти грусть и тоска затем и сгустились в розовые облака над домом. Когда сон проходил, Вида с облегчением просыпалась.

Когда родилась дочь, мать между глазками малышки увидела родинку в виде ключа. Хотя и закрывала лоб ребенка пелёнкой, но так и не смогла скрыть от соседней необычную родинку. Две недели спустя, сразу после крещения, родинка исчезла.

И опять, каждый месяц просыпаясь от знакомого сна, Вида чувствовала сухое дыхание облаков, которые питались грустью из её сна.

* * *

Многие дни Пётр любовался поблескивающим ожерельем на ноге Виды. Как же оно украшало любимую женщину! И начал задумываться Петр, как бы добыть для неё и те сокровища, что, как гласила легенда, недостижимо сокрыты в пещере.

От тяжёлой работы жилось семье трудно. Так и не заметишь, как подкрадётся старость, поубавятся силы, и уж тогда неминуемо наступит бедность. Тогда как радовать подарками Виду? Нет, всё, что можно, надо сделать сейчас, пока силы в руках достаточно, пока широкие плечи не боятся тяжёлой поклажи, а крепкие ноги выносили для долгой и тяжёлой работы. Должна пещера ему покориться, открыть свои тайны, поделиться сокровищами. Ведь подарило ему поле двенадцать монеток. Как же не воспринимать это знаком свыше.

Так всё больше и больше приходила к Петру уверенность, что именно он является тем человеком, который сможет добыть сокровища несчастной рабыни.

Вида со страхом уговаривала мужа не искушать судьбу, не рисковать жизнью и не идти в заколдованную пещеру.

– От пустой работы нет пользы, она не прибавит хлеба в доме. Пещера ещё никому не покорилась, не принесла добра. Если же с тобой случится непоправимое, на кого оставишь меня с малышкой-дочкой? Я стану вдовой, всеми понукаемой и обижаемой, а дочка беззащитной сироткой.

Пётр сам рос сиротой и знал, каково это быть обездоленным, беззащитным. После ранней смерти отца его мать снова вышла замуж за человека не ласкового, но доброго и потому вынуждена была оставить сына у бабушки и дедушки. Не хотел же он для своей новорождённой дочери такой участи.

До того, как Пётр привёл в свой дом красавицу Виду, после смерти стариков вдоволь нажился один. И это одиночество его измучило. Потому больно было ему слушать упреки жены. Но ведь знак на лбу дочери в виде ключика тоже о чём-то говорил! Несмотря на старания жены скрыть странную родинку, он её заметил и растолковал по-своему – как знамение, что именно ему для счастья и блага ребенка пещера откроет свои тайны, отдаст сокровища.

Каждый день с горечью в сердце провожала Вида мужа из дома, когда отправлялся он к пещере. Согнувшись под тяжестью груза, Петр нёс на своих сильных плечах необходимые для работы лопаты, ломы, кирки. С радостью и сердечным облегчением встречала его Вида вечером, когда Петр, грязный и уставший, возвращался обратно. Не сдалась пещера, он не смог отбить от скалы, что преграждала вход в третий тоннель, и куска породы. Каждый день он работал до тех пор, пока железное острие одной кирки не затуплялось, и тогда он брал в руки другую, затем третью – но всё было тщетно.

Разочарованный неудачей Пётр на некоторое время бросал работу, о недоступных сокровищах будто забывал. Вида успокаивалась, теща себя надеждой, что муж одумался и бросил бесполезное дело. Она приносила ему и клала на руки дочку, которая в это время улыбалась неповторимой и такой трогательной улыбкой.

Так прошла зима. Весной, как только подул южный ветер и стал таять снег, Пётр снова начал готовить инструменты для работы в пещере. Вокруг деревни склоны гор покрылись молодой зеленью. Запели птицы,

начавшие вить гнезда, чтобы затем вывести птенцов. Всё говорило о пробуждении новой жизни, а Вида встревожилась, да что поделаешь? Невозможно убедить мужа не ходить в пещеру.

Но вот странно – на земле, куда правой пяткой этим утром наступил Петр, обозначился силуэт ключика. Да так явно, будто его кто-то специально нарисовал. Вида увидела в этом явный знак. Но к добру он или к беде? Встревоженная, она решила помочь мужу. Поэтому, когда Петр снова пошёл к пещере, Вида не стала препятствовать и отговаривать, а пошла с ним.

Когда Петр ударил киркой в скалу в первый раз, пещера будто с болью закричала, но ни кусочка от стены не откололось. И так продолжалось до тех пор, пока сумерки не опустились на землю. Тогда Вида нежно дотронулась до плеча мужа:

– Дай, Петр, я помогу тебе.

Ждала ли пещера женской руки, или стена уже была глубоко ранена множеством предыдущих ударов Петра, но, когда Вида взмахнула киркой, скала сама начала рушиться. Вида три раза ударила киркой, и в скале, в образовавшейся пустоте, показалась другая каменная стена.

Никому ничего ни говоря, Вида с Петром на следующий день опять пришли в пещеру. На этот раз жена первая взмахнула киркой. И рухнула вторая стена, за которой зияла пустота.

Для того, чтобы туда пробраться и приступить к поиску сокровищ, необходимо было принести канаты и позвать кого-то на помощь. Но Пётр не хотел ни с кем делиться тем, что он мог найти в таинственной пещере. Так что на третий день он и жена опять пришли одни. С помощью Виды Пётр спустился в глубину провала. Он долго оставался внизу. Когда же, наконец, с большим трудом поднялся из бездны, то сел на край отвалившейся стены и заплакал.

Они вернулись домой, когда совсем стемнело. Сделали это специально, чтобы никто из случайных встречных не стал спрашивать, откуда Пётр и Вида идут в столь поздний час, да еще перепачканные землей. Дочь их мирно спала у матери Виды, где её оставили перед тем, как пойти к пещере. Отец с матерью не стали тревожить ребёнка и отправились домой.

Вида положила руки на плечи Петра. Ей хотелось успокоить мужа, чтобы он заснул и не горевал от случившейся неудачи. Петр засунул руку в карман и вынул из него потемневший кусочек железа.

– Вот, любимая моя Вида, только этот кусочек ненужного металла хранила в своих недрах таинственная пещера. Как же я обманулся в своих надеждах. Как я хотел принести счастье своей семье, а что вышло? Все мои труды были зря, – сказал он с горечью.

Вновь, как когда-то очищала принесённые с поля мужем монетки, так и теперь Вида ночью, пока спал Пётр, чистила от земли найденный мужем в недрах пещеры кусочек металла. И чем больше она удаляла грязные, спекшиеся за века до каменной твердости слои земли, тем больше находка обретала форму ключа, который начинал блистать золотым светом.

Закончив работу, Вида положила находку под подушку и легла рядом со спящим мужем.

Ночью ей снова снился тот же безмолвный сон. Только на этот раз в туфельке, которая стояла между девушкой и мужчиной и раньше была пустой, теперь лежал золотой ключик, который нашёл Петр. А над ним их руки, в первый раз соединённые вместе.

Вместо грусти на этот раз сон рождал в сердце радость, которая разогнала розовые облака.

На следующий день наученная своим сном Вида знала, что надо сделать. Встав рано, она, чтобы Петр не соблазнился найденным золотом, спрятала ключик. В старом сундуке Вида нашла свои девичьи туфельки,

которые мать вышла шёлком. Она их так берегла, что никогда не надевала – жалко было портить такую красоту. Спрятав левую туфельку под блузкой, в который положила золотой ключ, Вида отправилась к пещере. Вслед за ней двигались по небу низкие розовые облака, не грозившие дождём, а с накопившейся грустью.

Она вошла в третий тоннель, который за ночь вновь почти совсем закрылся. Ключ задрожал в её руке, осветив пещеру необычным блеском.

Она просунула руку в узкое отверстие в скале и кинула туфельку с ключом в глубину пещеры. И лишь успела руку убрать, как отверстие закрылось. Теперь уже навсегда. Скала под ногами задрожала.

Без страха Вида медленно вышла из пещеры и направилась в деревню, чтобы забрать у матери, может быть, проснувшуюся дочку.

На небе больше не было ни одного розового облака, только свет зарождающегося дня заливал долину между гор.

Забрав дочь у матери, держа сонного ребёнка на руках, Вида пошла домой. Когда девочка в ответ на ласки матери улыбнулась ясной радостной улыбкой, Вида вновь увидела на её щеках две ямочки.

Пока шла до дома, не заметила, как потеряла ожерелье с ноги. Она как будто почувствовала мгновенное движение на лодыжке, но не обратила на это внимание. Пётр, узнав о потере, только пожал плечами:

– Как пришло, так и ушло.

Вида знала, что ожерелье вернулось к той, которой и было предназначено. И ей больше не снился сон, который проходил через сердце тоской и грустью.

* * *

Следующей осенью на той же ниве Пётр плугом задел за камень. Он был уверен, что в прошлом году на этом месте камня не было. Больших трудов стоило сдвинуть валун с места. То, что он нашёл под ним, никому, кроме Виды, не показал. Если бы показал, искатели сокровищ каждую ночь перекапывали бы вновь и вновь его поле.

Вскоре семья Петра переселилась в новый просторный светлый дом, так как Вида опять забеременела. Теперь у них был полный достаток. Соседи хвалили работоспособные руки Петра и Виды. Конечно, были и те, кто завидовал.

Всё, что сеял на дальнем участке Петр, приносило добрый, обильный урожай.

– Хорошее поле у Петра, стоит три царёва города, – говорили жители деревни.

Пётр с благодарностью собирал дары земли. А жене вместо потерянного купил дорогое золотое ожерелье для левой ноги.

В пещеру они больше не ходили. И каждый из них по своим причинам, о которых никогда не говорили. Зачем?

Пещера богатыми дарами ответила на тот подарок, что она получила из рук Виды.

Перевод Валерия Сдобнякова